

“ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ” КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В.М. ПОЛТЕРОВИЧ

Становление общего социального анализа*

В работе показано, что понятие “экономический империализм” с эпистемологической точки зрения бессодержательно: реально речь не идет об использовании специфической экономической методологии в сфере других наук об обществе. Экономическая наука находится в перманентном кризисе, вызванном невозможностью ответить на важнейшие вопросы, оставаясь в ее собственных рамках. Однако к настоящему времени социальные дисциплины имеют не только общий объект исследования, но также общую эмпирическую базу и единый аналитический аппарат. Созданы условия для формирования общего социального анализа как науки о функционировании и развитии общественных институтов и о поведении человеческих коллективов в рамках этих институтов.

Ключевые слова: экономический кризис, кризис экономической теории, экономический империализм, методологический индивидуализм, теория игр, теорема Зоннenschайна–Мантеля–Дебре.

In this paper, it is shown that the concept “economic imperialism” has no real content with epistemological point of view: there is no evidence of using specific economic methodology in areas of other social disciplines. Economics is in a permanent crisis caused by the impossibility to answer its most important questions if one remains in its own area. However, social disciplines have now not only common subject of research, but also common empirical base and a unified analytical apparatus. Preconditions are created to form General Social Analysis as a discipline about functioning and development of social institutions and about behavior of human collectives in their frameworks.

Keywords: economic crisis, crisis of economics, economic imperialism, methodological individualism, game theory, Sonnenschein–Mantel–Debreu theorem.

Скандал в экономическом сообществе

Экономический кризис 2008 г. оказался одновременно и кризисом экономики как научной дисциплины. Или, точнее, послужил демонстрацией того, что экономическая наука, несмотря на, казалось бы, впечатляющие успехи, вот уже много лет находится в состоянии перманентного кризиса.

* Статья представляет собой развитие идей, содержащихся в моем докладе на Российском экономическом конгрессе (декабрь 2009 г.).

Полтерович Виктор Меерович – академик РАН, заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН, заместитель директора Московской школы экономики, президент Новой экономической ассоциации, главный редактор “Журнала Новой экономической ассоциации”.

В Великобритании возмутителем спокойствия стала королева Елизавета II. Во время визита в Лондонскую школу экономики она спросила одного из ее руководителей: “Почему никто не предсказал наступление столь глубокого кризиса?”. Чтобы ответить королеве, Британская Академия в июне 2009 г. созвала форум с участием бизнесменов, банкиров, регуляторов финансовых рынков и представителей правительства. Два академика – Т. Бесли и П. Хеннеси – в письме Елизавете II суммировали результаты обсуждения. В качестве главной причины провала экономической науки они назвали “неспособность коллективного воображения многих блестящих людей, как в Англии, так и за рубежом, осознать риски системы как целого”¹. Письмо заканчивается обещанием провести еще один семинар и предложить такие меры, чтобы “Вы никогда не повторили Ваш вопрос”.

Среди ряда других попыток ответа обращает на себя внимание заявление десяти английских профессоров экономики о том, что анализ проблемы, предложенный Бесли и Хеннеси, “неадекватен”. По их мнению, причина провала коренится в сложившейся системе образования экономистов и господствующих критериях качества научных работ в том, что экономисты отдают предпочтение математической технике в ущерб глубинному пониманию экономических явлений. Экономистам не хватает “профессиональной мудрости, опирающейся на глубокое знание психологии, институциональных структур и исторических прецедентов” (<http://www-personal.umich.edu/~rudib/lettertothequeen.pdf>).

По существу, та же самая мысль стала центральной и в эссе нобелевского лауреата П. Кругмана, не вовлеченного в британские дискуссии и прекрасно владеющего современным экономико-математическим инструментарием. Примечательно само название эссе: “Как это экономисты так ошиблись? – Приняв красоту за истину”. Вот его диагноз: “...основной причиной провала профессии было стремление развить всеохватывающий интеллектуально элегантный подход, который к тому же давал бы экономистам возможность продемонстрировать их математическое мастерство”².

Со страстью, необычной для представителя западной академической элиты, Кругман обрушился на представителей Чикагской школы, называя их “пресноводными” (*freshwater*³) в отличие от “обитающих в соленой воде” (*saltwater*), реалистов. Ответ Кругману одного из старейшин Чикагской школы, Дж. Кохрейна [Cochrane, 2009] был не менее резок, но не слишком убедителен. Он сослался на утверждение, что движение цен на эффективном рынке является случайным блужданием, а потому и не может быть предсказано. Однако это утверждение справедливо лишь при определенных условиях, выполнение которых проблематично. Кроме того, если экономисты знали о ненулевой вероятности кризиса, почему практически все они исходили из того, что масштабный кризис в развитых странах невозможен [Lucas, 2003], вместо того, чтобы изменить финансовые институты, минимизировав ущерб? Упрек Кругмана состоит именно в этом: Чикагская школа, доминировавшая в мире в течение последних десятилетий, ввела нас в заблуждение относительно преимуществ “невидимой руки”.

О правоте Кругмана свидетельствует и сопоставление двух статей нобелевского лауреата Р. Лукаса – одна из них написана в 2003 г., а вторая – в 2008. В первой он писал о том, что задача предотвращения глубоких депрессий решена макроэкономистами [Lucas, 2003]. Во второй признается, что это не так (<http://faculty.chicagobooth.edu/brian.barry/igm/ditella.pdf>)⁴.

¹ “So in summary, Your Majesty, the failure to foresee the timing, extent and severity of the crisis and to head it off, while it had many causes, was principally a failure of the collective imagination of many bright people, both in this country and internationally, to understand the risks to the system as a whole” [Besley, Hennessy, 2009].

² В переводе трудно передать нюансы. Вот оригинал: “...the central cause of the profession’s failure was the desire for an all-encompassing, intellectually elegant approach that also gave economists a chance to show off their mathematical prowess” [Krugman, 2009].

³ “freshwater” означает также “провинциальный”.

⁴ При этом Лукас говорит о необходимости “лучшей монетарной теории”. На мой взгляд [Полтерович, 2009] (см. также [Глазьев, 2009; Деметьев, 2009]), глубокие кризисы имеют немонетарную природу, для их предотвращения нужна более совершенная теория социально-экономического развития.

Пожалуй, наиболее поразительно признание А. Гринспена, возглавлявшего Федеральную резервную систему США в течение без малого 20 лет. Вот что он сказал: “Я ошибался, предполагая, что собственный интерес организаций, особенно банков, таков, что они стремятся наилучшим образом защитить своих акционеров и имущество своих фирм... Я обнаружил ошибку в модели, которая, как я полагал, является важнейшей функционирующей структурой, определяющей движение мира”⁵.

Еще раз о кризисе экономической теории

Необычная для западного научного сообщества острота полемики свидетельствует об обострении кризиса в экономической теории. Кризиса, который, на мой взгляд, начался еще в середине 1970-х гг. Эта точка зрения развита в моей статье 1998 г. [Полтерович, 1998]. Полагаю, что эволюция экономического знания за 12 лет, прошедших с тех пор, подтверждает большинство ее тезисов.

О кризисах в экономической науке было написано немало и до 1998 г. Однако в отличие от большинства авторов я попытался показать, что природа кризиса заключается не столько в недоразвитости методов экономического исследования, сколько в ложной претензии экономистов на то, что экономика должна стать и постепенно становится “точной” наукой (“*a science*”) – в том смысле, в каком “точными” являются теоретическая механика или химия. Поставленная в ряде классических работ задача построения экономической теории по образцу физики, видимо, невыполнима – таков основной тезис моей статьи. В пользу этого тезиса были выдвинуты четыре основных аргумента.

Во-первых, эмпирические исследования не обнаруживают фундаментальные экономические зависимости между экономическими переменными, которые, подобно второму закону Ньютона в механике, могли бы создать фундамент для развития единой теории. Во-вторых, само развитие теории привело к доказательству целого ряда теорем, свидетельствующих о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в рамках естественных постулатов. Наряду со знаменитой теоремой Эрроу, фундаментальное значение имеет теорема Зонненшайна–Мантеля–Дебре⁶ (см. [Debreu, 1974]), из которой следует, что общая модель экономического равновесия без серьезных дополнительных условий почти ничего не может сказать о реальном мире. А предположения, при которых получаются содержательные результаты, оказываются слишком сильными и далеко не всегда выполняются.

В-третьих, экономическая действительность настолько подвижна, что скорость ее изменения опережает темпы ее изучения. В начале 1980-х гг. появилась развитая теория плановой экономики. Сейчас плановая экономика практически исчезла. Мы уже никогда не сможем получить о ней принципиально новую информацию, не зафиксированную в старых источниках. Действительность изменилась быстрее, чем была понята.

В-четвертых, выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться. Здесь прослеживается определенная аналогия с принципом неопределенности Гейзенберга⁷.

⁵ “I made a mistake in presuming that the self-interest of organisations, specifically banks, is such that they were best capable of protecting shareholders and equity in the firms... I discovered a flaw in the model that I perceived is the critical functioning structure that defines how the world works” (<http://www.guardian.co.uk/business/2008/oct/24/economics-creditchunch-federal-reserve-greenspan>).

⁶ Согласно этой теореме, практически любая функция цен, удовлетворяющая закону Вальраса, может оказаться функцией избыточного спроса в модели чистого обмена со стандартными свойствами.

⁷ “Эти и ряд других обстоятельств вынуждают заключить, что несмотря на впечатляющий прогресс, экономическая теория испытывает глубокий и затяжной кризис, который должен привести к пересмотру ее целей и изменениям в организации исследований” [Полтерович, 1998].

План построения единой экономической теории по классическому образцу теоретической механики, намеченный в начале 1950-х гг., оказался невыполнимым. В результате теория распалась на множество частных случаев. В большинстве исследований вопрос об общности получаемых выводов даже не ставится, модели исследуются при весьма ограничительных предположениях. В результате многие выводы оказываются неустойчивыми относительно "малых вариаций" в конструкции моделей. Например, в типичной макроэкономической модели все продукты агрегированы, а потребители представлены репрезентативным агентом, хотя при отказе от этих допущений заключения обычно теряют силу.

Реакция на кризис и фантом "экономического империализма"

В течение веков развитие научного знания было связано с вычленением из "общих теорий" (первоначально – из философии) специальных дисциплин, обретших свой специфический объект и/или метод исследования. Казалось бы, наше знание об обществе следует тому же образцу. Подобно тому как математика отделилась от философии после Эвклида, а физика – после И. Кеплера и И. Ньютона, экономика обрела самостоятельность после А. Смита (через сто лет после ньютоновских "Начал"), а социология – после Э. Дюркгейма (век спустя после "Исследования о природе и причинах богатства народов").

Однако около 35 лет назад начался в определенном смысле обратный процесс: размывание границ между экономикой и смежными дисциплинами, инициированное экономистами, бурное проникновение используемых ими методов в области, традиционные для социологии, политологии, права. Это явление, названное "экономическим империализмом", вызвало бурные дебаты. Некоторые авторы считают, что экономическая наука успешна потому, что в методологическом отношении превосходит все остальные науки об обществе. В статье [Lazear, 2000], опубликованной в одном из ведущих экономических журналов, утверждается даже, что она является точной наукой ("*a science*"), несмотря на убедительные свидетельства противоположного. Другие исследователи настаивают на том, что социология (и даже экономическая социология) исходит из совсем других принципов, нежели экономикс [Радаев, 2008⁸], а поэтому "империалисты" обречены на поражение.

Не случайно экспансия началась после публикации разочаровывающих результатов Х. Зонненшайна и во многом стала реакцией на разворачивающийся кризис. На самом деле, за не вполне адекватным термином "экономический империализм" науки стоят два разных явления.

Во-первых, осознание чрезмерной общности базовых моделей привело к расширению границ экономической теории. Правы оказались экономисты, подчеркивавшие, что невозможно ответить на фундаментальные экономические вопросы (что, как и для кого производить), оставаясь в узких рамках, очерченных для себя экономикой, поскольку эти ответы зависят от доминирующих этических, психологических, правовых и социальных установок и норм, от демографических процессов и политических механизмов⁸.

Возникла новая политическая экономия, рассматриваемые в ее рамках модели описывают макроэкономические процессы с учетом действующих политических механизмов принятия решений. "Право и экономика" – другой пример сравнительно новой дисциплины, развившейся благодаря растущему пониманию важности для экономики "неэкономических факторов".

Во-вторых, экономисты все чаще вторгаются в смежные области знания. Для многих из них расширение границ экономической науки стало мостиком к занятиям этикой, социологией, политологией, демографией, психологией или правом. Нередко

⁸ См., например, [Найт, 2009; Altruism... 1975]. Отмечу, что теория социального выбора с самого начала претендовала на роль общей теории, в ней специфика экономических решений не играет роли.

ведущие экономические журналы публикуют статьи, имеющие весьма отдаленное отношение к экономике.

Что же обеспечивает успех экономистов на этом пути? Рассматривая основные инструменты “аншлюса”⁹, нетрудно убедиться в том, что они фактически не содержат ничего собственно экономического. Экономисты добиваются результата, действуя как прикладные математики. Сражения на полях других дисциплин выигрываются ими за счет применения теории игр или эконометрики. А вот план “вторжения” путем использования теории экономического равновесия, предлагавшийся в свое время Г. Беккером (именно его многие считают идеологом экономического империализма), потерпел поражение.

В программной работе Беккера “Человеческое поведение”, написанной в 1987 г., читаем: “...экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм экономического поведения... Связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений, проводимые твердо и непреклонно, образуют сердцевину экономического подхода в моем понимании” [Беккер, 2003, с. 31–32].

На самом деле предположения о максимизирующем поведении и стабильности предпочтений, с одной стороны, весьма проблематичны (см. ниже), а с другой – носят универсальный характер, могут быть отнесены к любому поведению. А вот действительно специфическая модель рыночного равновесия оказалась недостаточной даже для экономического анализа в узком смысле. Подавляющее большинство теоретических “империалистических” работ опираются не на понятие равновесной рыночной цены, а на теоретико-игровые конструкции.

Замечу, что теория игр с самого начала создавалась Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном как абстрактная теория формирования норм поведения¹⁰. Экономика рассматривалась лишь как одна из возможных сфер ее приложения. Точно так же современная эконометрика – это общая теория обработки данных, которая практически не содержит экономической специфики.

Итак, в стремлении экономистов к совершенствованию своих моделей путем учета социальных и политических факторов нет ничего “империалистического”. Экономисты были бы рады прямо воспользоваться результатами других дисциплин, но оказалось, что подходящие конструкции отсутствуют. В то же время не наблюдается вторжения собственно экономических идей теории производства и распределения благ, теории рынков в смежные области знания. С эпистемологической точки зрения в наблюдаемом феномене “империализма” нет ничего экономического, “экономический империализм” – не более чем фантом. На самом деле – это явление не эпистемологического, а социального порядка: речь идет о вмешательстве экономистов в распределение материальных ресурсов и статусных позиций, которые представители других дисциплин считали “своими”¹¹.

На мой взгляд, разнородные явления, не вполне правомочно объединяемые термином “экономический империализм”, демонстрируют целесообразность интеграции ряда общественных дисциплин в единую науку об обществе – общий социальный анализ.

Дополнительный аргумент дает движение “навстречу экономическим империалистам” представителей других общественных дисциплин. Это касается и все более широкого применения методов теории игр и эконометрики социологами, социальными психологами, политологами, и вторжения их представителей в области, традиционно считавшиеся экономическими (см., например, [Swedberg, 2001] и ссылки в статье [Gayle, Lambert, 2009]). В этом отношении присуждение в 2002 г. Нобелевской премии по экономике психологу Д. Канеману весьма показательно.

⁹ Теория общественного выбора и теория контрактов, теоретические работы по психологии базируются на теории игр. Исследования политического и социального взаимодействия, проводимые экономистами, широко используют эконометрику.

¹⁰ См. [Нейман, Моргенштерн, 1970, с. 66–69, 72]. На стр. 72 читаем: «...теория оснований экономики и основных механизмов социальных организаций требует глубокого изучения “стратегических игр”».

¹¹ Эта сторона “экономического империализма” подчеркивается в [Либман, 2010].

Становление общего социального анализа: разграничить области не удается

До недавнего времени развитие наук шло по пути дифференциации. От философии последовательно “отпочковывались” математика, логика, физика, химия, биология, и т.п., делившиеся в свою очередь на многочисленные направления. В XX в. возникли некоторые синтетические дисциплины – физическая химия, биофизика и т.п. В случае экономики мы имеем дело с другим феноменом: попытки выделить область собственно экономических явлений приводят к тому, что основные проблемы экономики оказываются неразрешимыми. Не удастся сколько-нибудь естественно отделить экономику от других общественных наук и по другому основанию – указав специфическую для нее методологию исследования. Чтобы убедиться в этом, обратимся снова к приведенному выше высказыванию Беккера о “сердцевине экономического подхода”, которую, по его мнению, образуют три “связанные воедино предположения” – “о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений”.

Гипотеза о максимизирующем (или более обще – рациональном) поведении не специфична для экономики [Swedberg, 2001]. Более важно, что в общей формулировке она нефальсифицируема: любое поведение можно рассматривать как максимизирующее при некоторых, возможно, меняющихся предпочтениях или условиях. Гипотеза становится более содержательной, если предпочтения стабильны. Однако, как демонстрирует теорема Зонненшайна–Мантеля–Дебре, агрегированный результат действий нескольких “максимизирующих” агентов со стабильными предпочтениями может быть практически произвольным, так что и в этом случае обсуждаемая гипотеза сама по себе “никуда не ведет”.

Следует подчеркнуть, что гипотезы о рациональном поведении и стабильности предпочтений, будучи дополнены рядом других предположений, оказались плодотворными при исследовании многих проблем. Их справедливость экспериментально продемонстрирована для простейших повторяющихся ситуаций. Тем не менее нельзя считать доказанными ни существование предпочтений, не зависящих от рыночных условий, ни способность индивидов быстро решать сложные задачи максимизации. Эволюционная теория игр и теория ограниченной рациональности пытаются ослабить эти допущения (см., например, [Васин, 2010; Rubinstein, 1998]). Альтернативой гипотезе рациональности является предположение об определенных стандартах, нормах поведения, более характерное для социологии. Оно имеет свои преимущества, хотя на этом пути трудно построить общую теорию.

Гипотеза рациональности не согласуется с многочисленными примерами ошибочных решений. Конечно, любую ошибку можно представить как результат сознательного выбора. И все же трудно поверить, что Гринспен планировал признаться в самом конце своей карьеры в том, что его представления о капитализме были в корне неверны (см. выше). В некоторых случаях выделение типичных, повторяющихся ошибок становится важной задачей (экономической) теории (см. [Полтерович, 2007]). Вследствие феномена зависимости от пути некоторые ошибки могут существенно влиять на процесс развития.

Распространена точка зрения, согласно которой отличительная черта экономической науки или даже ее важнейшее преимущество по сравнению с другими общественными дисциплинами – следование принципу методологического индивидуализма. Согласно этому принципу, поведение социальных общностей должно быть выведено из поведения индивидов¹². Вот что пишет В. Тамбовцев: “...одна из основных причин широкого распространения экономического империализма... то, что он демонстриру-

¹² Термин “методологический индивидуализм” введен Й. Шумпетером в 1908 г., опиравшимся на взгляды своего учителя М. Вебера (см. http://www.ne.jp/asahi/moriyuki/abukuma/weber/method/basic/basic_concept_frame.html, раздел 4ii). Принцип методологического индивидуализма допускает разные толкования (см. G. Hodgson, <http://www.geoffrey-hodgson.info/user/image/meanmethind-free.pdf>).

ет продуктивность принципа методологического индивидуализма” [Тамбовцев, 2008, с. 135].

Близкую мысль, хотя и в несколько парадоксальном варианте, высказывает В. Радаев, ссылаясь на М. Гранноветтера: “Если для экономической теории исходной фундаментальной предпосылкой является независимость человека, его самостоятельность в принятии решений, то для экономосоциолога столь же фундаментальной предпосылкой выступает включенность человека в социальные отношения...” [Радаев, 2008^a, с. 118].

Из этого высказывания, если понимать его буквально, следует, что ни экономика, ни социология сами по себе не могут претендовать на достаточно полное отражение реальности: ведь и относительная самостоятельность человека в принятии решений, и его включенность в социальные отношения несомненны. Принцип методологического индивидуализма в формулировке М. Вебера всегда вызывал возражения, в том числе и экономистов (см. обсуждение проблемы в [Гринберг, Рубинштейн, 2000]). Во-первых, поведение социума определяется поведением отдельных акторов лишь в определенных институциональных рамках, задающих правила их взаимодействия. Во-вторых, попытки построить экономически содержательные модели социума, в которых в качестве акторов выступали бы индивиды, наталкиваются на принципиальные трудности.

Рассмотрим в качестве примера современную теорию рынка, в основе которой лежит модель равновесия Эрроу–Дебре. Акторами в этой модели являются не индивиды, а домашние хозяйства и фирмы. Однако универсальной модели фирмы не существует. Попытка заменить ее агрегированное описание детализированным, выраженным в терминах поведения отдельных индивидов, привела бы к необходимости рассматривать необозримое множество вариантов. Более того, модель Эрроу–Дебре описывает не взаимодействие акторов, а лишь гипотетический результат такого взаимодействия. Разработано множество различных моделей обмена с целью получить полноценный фундамент теории рынка, отвечающий принципу методологического индивидуализма. Несмотря на многочисленные (и бесполезные) усилия, программа построения общей модели рынка на основе методологического индивидуализма потерпела поражение: убедительная и достаточно общая модель “локальных рыночных взаимодействий” не создана. Становится все более очевидным, что эта задача не имеет удовлетворительного решения.

По-видимому, принцип методологического индивидуализма следует формулировать в более мягком варианте. Макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов. При выборе “элементарных акторов” следует добиваться рационального компромисса между их простотой и обозримостью модели. Этот вариант принципа кажется пригодным и для других общественных наук. Во всяком случае, он не разъединяет экономику, социологию и политологию, а напротив, объединяет их.

Обратимся теперь снова к третьей компоненте “сердцевины экономического подхода” по Беккеру – рыночному равновесию. Как отмечалось выше, идея рынка не сыграла решающей роли в успехе экономистов на поприще других социальных наук. Выражения “рынок идей” или “политический рынок” так и остались не более чем метафорами.

В рамках самой экономики понятие рыночного равновесия распалось на десятки концепций, учитывающих различные обстоятельства: препятствия для свободного движения товаров и цен, рыночную власть, характер и инструменты государственного влияния, образование коалиций, политические и правовые институты, и т. п.

Имеется, правда, ряд общих элементов, таких как производство, торговля, ценообразование, налогообложение, денежное обращение. Их изучение остается важной задачей. Однако, как показал опыт, попытка ограничить область экономического исследования перечислением подобных элементов ведет к внутреннему противоречию: оставаясь в рамках определенной таким образом экономической науки, не удается от-

ветить на ее основные вопросы, причем необходимое знание, почерпнутое из социологии и политологии, по-видимому, охватывает весьма значительную их часть.

Невозможность разграничить области, исследуемые различными социальными науками, – важный аргумент в пользу их синтеза в рамках общего социального анализа.

Кризис в социологии

Стоит отметить, что не только экономисты, но и социологи говорят о кризисе своей дисциплины. Статья [Skirbekk, 2008] начинается с краткого обзора двух книг, вышедших в 1970 и 1999 гг., названия которых содержат словосочетание “кризис социологии”. Их авторы отмечают, что усилия Дюркгейма, Вебера и Парсонса не привели к созданию общей методологии, которая позволила бы исследовать разнородные общественные явления в единых рамках. Сам С. Скирбек, аргументируя тезис о том, что социология находится в кризисе, указывает три важнейшие социально-политические трансформации, имевшие место в наше время, при изучении которых социологи оказались не на высоте. Социологи не сумели предсказать ни распад Советского Союза, ни обострение отношений между мусульманским и западным мирами, ни культурные изменения, связанные с осознанием ограниченности природных ресурсов. Конечно, сказывается отсутствие общей социологической теории, в силу этого, как замечает Радаев, “социологи любят типологизировать, но не любят предсказывать” [Радаев, 2008⁶, с. 32].

Становление общего социального анализа: фундамент объединения

Многие авторы подчеркивали тесную связь между различными социальными дисциплинами – настолько тесную, что возникает необходимость рассматривать их как главы единой науки об обществе. В частности, эту точку зрения разделяли и Т. Парсонс, один из классиков социологии, и В. Парето, один из основоположников современной экономической теории [Dalziel, Higgins, 2006]. Сведберг, подводя итог бесед с рядом известных экономистов и социологов, пишет: “Можно сказать, что эти интервью поддерживают идею о том, что наступает конец нынешнему разделению труда между экономикой и социологией” [Swedberg, 1990]¹³.

В самом деле, сейчас имеется гораздо больше оснований для синтеза, чем во времена Парето и даже Парсонса. Во-первых, попытка отделения наук была сделана и не привела к решающему успеху ни в экономике, ни в социологии. Старое определение: “экономика – наука о том что, как и для кого производить”, до сих пор бытующее в элементарных учебниках, перестало соответствовать реальному содержанию экономических исследований. Проблемы производства и распределения благ оказались слишком тесно и нетривиально связанными с охраной окружающей среды, внешней и внутренней безопасностью, характером политических институтов, развитием правовой системы и гражданского общества. Не спасает и формулировка Л. Роббинса, согласно которой экономика изучает соотношение между целями и ограниченными средствами; при таком подходе экономика включает чуть ли не все инженерные дисциплины. Необходимо новое понимание предмета исследования – новый ствол дерева, на котором могли бы держаться ветви. Основные вопросы современной экономики, социологии, политологии, права по существу совпадают: “Как устроены социальные институты, обеспечивающие общественное развитие?”, “Какими они должны быть?”, “Как обеспечить их совершенствование?”. Эти три вопроса традиционно являются центральными и в социологии, и в политологии. Сейчас за их решение взялась экономика, при этом остаться экономикой она уже не может!

¹³ К более тесному сотрудничеству представителей разных общественных дисциплин призывают многие исследователи (см., в частности, [Ананьин, 2009; Розов, 2009]).

Подведем итоги, перечислив то общее, что характеризует различные общественные дисциплины и создает основу для их синтеза.

I. Общий объект исследования: функционирование и развитие общественных институтов, поведение человеческого коллективов в рамках этих институтов.

II. Единая эмпирическая база и единая методология ее пополнения :

- социально-экономические индикаторы;
- опросы, анкетирование;
- “полевые” исследования, “case studies”;
- институциональные эксперименты;
- лабораторные эксперименты.

III. Единый аналитический аппарат:

- методы обработки статистических данных (эконометрика);
- абстрактная теория формирования норм поведения (теория игр).

Общественные науки нуждаются друг в друге для решения поставленных ими задач, у них общий объект исследования, общая эмпирическая база и единый аналитический инструментарий. Это дает основание надеяться на постепенное формирование *общего социального анализа (ОСА)*.

Будущее ОСА: влияние на образовательные программы и организацию исследований

Становление ОСА, вообще говоря, не означает исчезновения ныне существующих общественных дисциплин.

Для формирования общего социального анализа как самостоятельной дисциплины необходимо постепенно менять образовательные программы общественных дисциплин и организацию исследований. Экономисты должны иметь (сначала – по выбору, а потом и обязательные) курсы социологии, политологии, демографии, психологии, права. А программы социологов, политологов, юристов-теоретиков в свою очередь должны пополниться курсами теории игр и эконометрики.

Мультидисциплинарные исследования должны постепенно стать нормой. Современный институциональный анализ с его методологической эклектикой мог бы стать удобной площадкой для синтеза.

Нужно создавать большие коллективы, которые включали бы представителей разных областей наук; общий фундамент образования обеспечит взаимопонимание. Нужны междисциплинарные журналы. И кроме того, необходимо менять критерии обоснованности выводов исследования. Как показывает опыт, ни теоретические модели, ни эконометрика сами по себе не обеспечивают доказательности тех или иных утверждений. Но если оба подхода и в дополнение – изучение отдельных частных случаев приводят к одинаковым выводам, то появляется уверенность в их справедливости.

* * *

В данной статье я попытался показать, что понятие “экономический империализм” с эпистемологической точки зрения бессодержательно: реально речь вовсе не идет об использовании специфической экономической методологии в сфере других наук об обществе. Специфический экономический аппарат развит в рамках теории общего равновесия, но он-то как раз “империалистами” не используется. Происходит (практически уже произошло!) формирование единого набора методов исследования, часть которых первоначально развилась на экономическом материале, а часть – на базе других дисциплин. К их числу относятся эконометрика и теория игр, которые часто отождествляют с аппаратом экономики. На самом деле, эконометрика – математическая наука об обработке любых данных, допускающих числовое выражение или числовую кодировку, независимо от их происхождения. Теория игр – это математическая теория формирования норм поведения в группе агентов; в принципе, неважно, чем именно эти

агенты занимаются. Эти два инструмента развились на экономическом материале, но сами по себе не содержат ничего “экономического”. В то же время методы, характерные для социологии, политологии, психологии, такие как проведение и обработка опросов (включая глубинные интервью), полевой и лабораторный эксперимент, вербальный анализ “конкретных случаев” все шире используются и в экономике. Приписываемые экономике особенности методологии – использование моделей оптимизации, понятий равновесия и эффективности, если не понимать их слишком узко, связаны с удобными методами описания любого социального поведения (а первые два – используются при изучении механического движения). Вместе с тем современный экономический анализ признает изменчивость предпочтений и важность социальных норм, объединяясь тем самым с социологией, политологией, психологией, правом.

Таким образом, социальные дисциплины нельзя отделить друг от друга на основе различий в методах исследования. Опыт экономики показывает, что и разделение объектов исследования может быть лишь весьма условным. Экономика, самая старшая по возрасту из общественных дисциплин, о которых идет речь, первой поставила задачу стать “точной наукой” (a science), наподобие теоретической механики. Этот проект обрел реальные черты в начале 1950-х гг., когда К. Эрроу, Ж. Дебре и независимо от них Л. Мак-Кензи разработали модель общего равновесия и начали ее исследование. Экономическое сообщество с энтузиазмом включилось в разработку проекта. Модель должна была подтвердить интуитивно очевидные выводы в простейших ситуациях, а затем стать основой для многочисленных уточнений и обобщений. Однако после 20 лет упорной работы Х. Зонненшайн доказал, что этот план неосуществим: модель оказалась слишком общей. Кроме того, построенные на ее основе макромоделли не объясняли реальную картину развития. Это привело к необходимости рассматривать проблемы формирования человеческого капитала, несовершенства норм поведения, принятия политических решений.

Дебаты о структуре экономического знания, развернувшиеся в связи с нынешним экономическим кризисом, показали, насколько важно было бы содействовать сглаживанию противоречий и формированию общего социального анализа. Речь идет не об искусственном форсировании этого процесса, а в первую очередь об изменении образовательных программ, с тем чтобы новые исследователи – представители разных общественных дисциплин с самого начала овладевали единой инструментальной базой, учились понимать друг друга и могли эффективно сотрудничать в мультидисциплинарных коллективах.

Для того чтобы преодолеть кризис экономической науки, недостаточно собрать еще одну конференцию, пусть даже и лучших умов Британской Академии. Предстоит долгий путь становления общего социального анализа, связанный с отказом от чрезмерных претензий, изменением критериев доказательности в сфере общественных дисциплин и созданием базы для плодотворного сотрудничества представителей различных разделов науки об обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьин О.И. За “экономический империализм” без имперских амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // *Общественные науки и современность.* 2009. № 6.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.

Васин А.А. Эволюционная теория игр и экономика. Ч. 2. Устойчивость равновесий. Особенности эволюции социального поведения // *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2010. № 5.

Глазьев С.Ю. О программе антикризисных мер // *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2009. № 1–2.

Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.

Дементьев В.Д. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри // *Препринт #WP/2009/252.* М., ЦЭМИ РАН.

- Либман А.М.* Границы дисциплин и границы сообществ (Два аспекта “экономического империализма”) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.
- Найт Ф.* Этика конкуренции. М., 2009.
- Нейман Дж., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.
- Полтерович В.М.* Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // *Вопросы экономики*. 2009. № 6.
- Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. 1998. № 1.
- Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М., 2007.
- Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. 2008^а. № 6.
- Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии? // *Социологические исследования*. 2008^б. № 7.
- Розов Н.С.* От дисциплинарного империализма – к Обществознанию Без Границ! (“Шенгенский” проект интеграции социальных наук) // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3.
- Тамбовцев В.Л.* Перспективы “экономического империализма” // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5.
- Altruism, Morality, and Economic Theory. New York, 1975.
- Besley T., Hennessy P.* Her Majesty the Queen... 2009 (<http://media.ft.com/cms/3e3b6ca8-7a08-11de-b86f-00144feabdc0.pdf>).
- Cochrane J.H.* How did Paul Krugman Get it So Wrong? (<http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/>).
- Dalziel P., Higgins J.* Pareto, Parsons, and the Boundary Between Economics and Sociology // *American Journal of Economics and Sociology*. 2006. Vol. 65. № 1.
- Debreu G.* Excess Demand Functions // *Journal of Mathematical Economics*. 1974. № 1.
- Gayle V., Lambert P.S.* Logistic Regression Models in Sociological Research (http://www.dames.org.uk/docs/tech_papers/DAMES_tp2009-1.pdf).
- Krugman P.* How did Economists Get it So Wrong? *The New York Times*, September 2, 2009. (http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1).
- Lazear E.P.* Economic Imperialism // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115. № 1.
- Lucas R.* Macroeconomic Priorities // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. № 1 (<http://faculty.chicagobooth.edu/brian.barry/igm/ditella.pdf>).
- Rubinstein A.* Modeling Bounded Rationality. MIT, 1998.
- Skirbekk S.* “Crisis of sociology” – and consequences for an adequate understanding of contemporary cultural conflicts // *Journal of Sociology*. 2008. № 3.
- Swedberg R.* Economics and Sociology: redefining their boundaries (interviews with Gary Becker... Oliver E. Williamson... Kenneth J. Arrow...) ([http://books.google.com/books?id=j6V2rQE2tUC&printsec=frontcover&dq=Richard+Swedberg+\(1990\),+Economics+and+Sociology&source=bl&ots=FrkKodvyy1&sig=mbvpBCCk4BKxWtdq5cW72SsbfVk&hl=ru&ei=AB9iTnzqIpq80gS60vGTCQ&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=3&ved=0CCEQ6AEwAg#v=onepage&q=Richard%20Swedberg%20\(1990\)%2C%20Economics%20and%20Sociology&f=false](http://books.google.com/books?id=j6V2rQE2tUC&printsec=frontcover&dq=Richard+Swedberg+(1990),+Economics+and+Sociology&source=bl&ots=FrkKodvyy1&sig=mbvpBCCk4BKxWtdq5cW72SsbfVk&hl=ru&ei=AB9iTnzqIpq80gS60vGTCQ&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=3&ved=0CCEQ6AEwAg#v=onepage&q=Richard%20Swedberg%20(1990)%2C%20Economics%20and%20Sociology&f=false)).
- Swedberg R.* Sociology and Game Theory: Contemporary and Historical Perspectives // *Theory and Society*. 2001. Vol. 30.